

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Редакция журнала продолжает публикацию материалов, посвященных культурному наследию полиэтничного региона. В настоящем разделе помещены материалы, выполненные в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проекта Астраханского государственного университета «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе» (02.740.11.0593). Данный проект призван восполнить утраченное, возродить надежду на сохранение связующей нити между настоящим и прошлым.

ТРУД КАК «КУЛЬТОВАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Т.В. Казарова
(Россия, Москва)

В статье раскрывается деятельностный подход как метод типологии культур. На основании анализа культовой деятельности, мифологии, литературы и пословиц народов Месопотамии показывается специфика отношения к труду в Месопотамской культуре, ее посюсторонность. На этом основании проводится сравнение с другими культурами Древнего мира.

The article shows the work approach as a method of typology of cultures. On the basis of the analysis of cult activity, mythology, the literature and proverbs of people of Mesopotamia, the specificity of the attitude to work in Mesopotamic culture, its daily character shows. On this basis comparison with other cultures of the Ancient world is spent.

Ключевые слова: культ, культовая деятельность, типология, мифология, труд, Месопотамия.

Key words: a cult, cult activity, typology, mythology, work, Mesopotamia.

Даже сегодня, когда исторические исследования культур древних цивилизаций составляют солидный объем, в теоретической мысли сохраняется представление об их типологической идентичности. В качестве основания данного представления называется роль мифа, религии и традиции в культуре. Перечисленные сходные признаки нередко давали теоретикам основание утверждать типологическую идентичность, например, малоазийских культур или культур греков и римлян, а их особенности, своеобразие и уникальные черты интерпретировать как особенное проявление общего. Данное утверждение не находит поддержки у историков культуры, что сказывается на взаимопонимании и сотрудничестве ученых, работающих в областях теории и истории культуры.

Попробуем преодолеть это взаимонепонимание теоретиков и историков. Если мы выделим в качестве основания типологии доминантную деятельность, являющуюся, так сказать, «культовой» в конкретном обществе, то обнаружим, что культуры не просто являются особенным выражением общего, а типологически различны.

Основатели Месопотамской цивилизации – шумеры или, как они называли себя сами «черноголовые» – жившие с V тысячелетия в низовьях долины Тигра и Ефрата, в начале III тысячелетия ассимилировались с семитами и создали первое государство Междуречья – царство Шумера и Аккада. Новая волна нашествия семитских племен (амореев) пришла на III династию Ура. Амореи оказались восприимчивы для усвоения плодов шумерийской цивилизации, основав на ее территории ряд государств. В XVIII в. Хаммурапи, царь Вавилонии, одного из государств южного Междуречья, вновь объединил страну, и до вторжения касситов (1595 г.) она развивается и процветает, позже приходит в упадок и вновь возрождается с XII в., затем оказывается в зависимости от Ассирии, но продолжает сохранять экономическую и культурную самостоятельность. С 668 г. до н. э. Вавилон обретает политическую независимость и государственную самостоятельность. Это, по сути, последний период расцвета вавилонской культуры, продолжавшийся около полутора столетия, до вхождения Вавилона в состав персидской империи. Но при всех поворотах в политической судьбе, этнической интеграции, вливании новых народов месопотамская культура сохраняла свою типологическую идентичность, истоки которой восходят к Шумеру и Аккаду.

Шумерийцы были пришлым племенем в районе дельты Тигра и Ефрата. Наносная почва, легко размываемая разливами рек, и нередко меняющиеся русла Тигра и Ефрата делали этот район малопривлекательным для жизни. С. Крамер так описывает страну шумерийцев: «Это плоская равнина наносного происхождения с чрезвычайно жарким и засушливым климатом. Невозделываемые земли, обдуваемые ветрами, в большинстве своем засушливы и бесплодны. По существу, здесь нет ни полезных ископаемых, ни камня, ни какого-либо древесного материала, за исключением зарослей гигантского тростника на болотах. ...Однако люди, населявшие эту страну ...были наделены способностью к созиданию и практическим складом ума. Они сделали замечательные технические открытия и умели настойчиво и упорно трудиться» [4, с. 84]. Гидротехнические сооружения шумеров являются первыми в истории плодами инженерной мысли, направленными на преобразование окружающей среды. Шумеры осушали болота, там, где это было возможно, и строили ирригационные системы для орошения безводных территорий. Шумерская цивилизация выросла на труде человека, использовавшего с максимальной, позволяемой в то эпоху орудиями, эффективностью природные ресурсы, богатство которых в этом районе оставило желать лучшего. Тростник шел на изготовление корзин, циновок, крыш, употреблялся в смеси с глиной для производства кирпича, дамб, заслонов. Непогодную почву удобряли навозом, с иссушающими ветрами боролись, сажая деревья. Недостаток камня и древесины вынудил шумерийцев активизировать взаимодействие с северными соседями, которое носило как форму торгового обмена, так и силового давления. Но шумерийцы были более склонны решать экономические проблемы мирными средствами. Их невоинственность, миролюбие находит отражение в литературных текстах, поучениях, пословицах. Здесь не встречается восхваления силы, храбрости, напротив, больше говорится о важности сдержанности и незлобности. Так, в «Поучении Шуруппака» говорится: «С хорошо устроенным имуществом, сынок, ничто не сравнится. ...Не вторгайся в жилище чужих людей». А народная поговорка напоминает: «Ты идешь, завоевываешь землю врага, враг приходит, завоевывает твою землю» [4, с. 127]. Но шумеры отличаются удивительной трезвостью взглядов, что проявилось в поговорке: «Если страна плохо вооружена, враг всегда будет стоять у ворот». Поэтому, несмотря на стремление к миру, они всегда были готовы защищать свою землю. Правда, и здесь проявляется особенность культуры: «Идешь на поле, не размахивай руками. Герой один-единственный, а (обычных) людей – тьма». Подобное поучение невозможно встретить у египтян, греков, ассирийцев, оно очень соответствует духу и сущности шумерийской культуры. Она «завязана» на работе и ее главные ценности – богатство, удовольствия, удача в делах, успехи в хозяйстве и уважение окружающих – даны только трудом и личным усердием человека. «И человек пока не устанет, ничего иметь не будет» – гласит поговорка [3, с. 138].

Основное назначение человека – труд, люди созданы богами именно для работы – утверждают шумерские мифы. В «Энума элиш», вавилонском мифологическом цикле, рассказывается о том, как трудились боги, таская глину, отделяя небо от земли и воду от земли, пока не решили создать людей, чтобы те работали вместо них. Описание различных конкретных видов труда в аспекте порядка действий, необходимых сроков, используемых орудий, т.е. технологии, можно встретить во многих поэмах – «Мотыга и плуг», «Дом рыбы» и др. Поэма о выборе богиней Инанной жениха начинается с детального описания техники ткачества, изложенной в форме диалога Инанны с ее братом Уту. А в мифе «Энки и мироздание», где описываются путешествия Бога воды, он трудится, благоустроив природный и человеческий мир, без усталости создавая мотыгу, плуг, строительный инструмент «гугун», хлевы, овчарни, нить, кирпич, дома. Трудно представить себе подобную созидательную работу у богов Египта или Греции. Прагматический смысл всякой деятельности, который для шумерийского сознания составляет ее ценность, обнаруживается даже в космогонических мифах. Так в поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» говорится: «Владыка, дабы создать то, что п о л е з н о (выделено мною – Т.К.), ... / Решил отделить небеса от земли» [4, с. 97].

Столь значительное, можно сказать, центральное, положение труда в шумерской культуре связано не только с характеристиками окружающей среды, но и с хозяйственным укладом. На протяжении всей истории Месопотамии наряду с государственным сектором существовал частный сектор – земля, находившаяся во владении семейных общин, входивших, в свою очередь, в состав сельских и «номовых» общин в шумерский период, и собственно частное владение землей как в малых, так и в крупных размерах в вавилонский период. Будучи полноправным владельцем своего участка земли, общинник трудился на нем в поте лица, обеспечивая своей семье более-менее достойное существование. Во II тыс. до н. э. по мере дальнейшей дифференциации месопотамского общества развиваются формы экономической, но не личной зависимости. Широко практикуется наемный труд, когда малоимущий или лишившийся по тем или иным причинам земли человек нанимается в работники. Именно на упорядочивание этой стороны общественной жизни направлено законодательство Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) и еще более ранний свод законов, изданный шумерским правителем Ур-Намму, основателем III династии Ура (2050 г.). Отечественный шумеролог Д.Г. Редер подчеркивает, что законы Хаммурапи тщательно оговаривают условия найма свободного человека: «В одних случаях выполнение труда учитывается по дням, в других по годам и даже по сезонам. От вида труда зависели натуральная или денежная форма оплаты, а также размеры оплаты, продолжительность работы и т.д. Смерть свободного человека от чрезмерного изнурительного труда считалась уголовным преступлением» [6, с. 232]. Девальвация тех ценностей, которые составляли духовное ядро культуры Междуречья, проявляется именно в осознании бессмысленности работы, безрезультатности трудов, которые заполняют жизнь и ничего не приносят. Эта тема проходит в «Вавилонской теодицеи», в поэме «О невинном страдальце», в сказке «Ниппурский бедняк» и в других произведениях. Но когда культура Месопотамии только формировалась, когда переживала свой расцвет, человек Междуречья рассматривал труд как главное условие достойной жизни, а многие законодательства раннего периода месопотамской цивилизации защищали его экономические права и способствовали культурному закреплению данной психологической установки.

Осмысление работы как важнейшей, основополагающей деятельности человека свойственно как простонародию, так и знати. Все древнейшие надписи шумерских правителей, отмечает М. Дьяконов, были посвящены исключительно строительству – основанию или перестройке храмов и каналов. Только с середины III тыс. в надписях начинает появляться упоминание о военных подвигах, и то лишь вскользь – «когда он победил такой-то город, он построил такой-то храм». Пожалуй, приведенного материала уже достаточно, чтобы стала очевидной ведущая, определяющая роль работы (труда) в жизни месопотамской цивилизации. Доминанта этой деятельности, определившая дух культуры, повлияла на искусство, религию, образование, науку, ми-

ровоззрение. Позволю заметить, что не было в древнем мире культуры более близкой по духу к современной, чем культура Месопотамии, в той мере, в какой могут быть близки культуры, разделенные более чем тремя тысячелетиями. Трудно не согласиться с известным американским шумерологом С. Крамером, когда он пишет, комментируя пословицы и поговорки древнего народа: «...пословицы древнего Шумера в своей основе удивительно близки к нашим. Без труда мы различаем в них отражения собственных чаяний, слабостей и затруднений, узнаем собственные взгляды» [4, с. 127]. И, действительно, как понятны печальный юмор и даже философичность слов из текста глиняной таблички: «Все равно умрем – давай все растратим! А жить-то еще долго – давай копить!». Или сердитое письмо отца, узнавшего, что сын не посещает занятия в школе: «Когда с клоунами, с певцами бродячими, / С ними вокруг них ты крутишься, / То вся твоя работа – скакать да прыгать! / Только для этого ты и пригоден, / Но я заставлю тебя возвратиться» [4, с. 31].

Основной археологический след месопотамской культуры оставляют глиняные таблички, содержащие тексты самого различного содержания. Таблички текстов и глоссарии содержат переводы на трех языках – шумерском, семитском (аккадском) и аморейском. «Первооткрыватели месопотамских древностей, – пишет Ю. Заболоцка, – искали, прежде всего, следы прекрасного и величественного в древней культуре. ...Между тем часто единственным результатом их труда оказывались невзрачные таблички...» [2, с. 93]. Характерная черта шумерских и вавилонских текстов, отличающая их от древнеегипетских, состоит в отсутствии магических элементов, мифологического «введения», отсылок мифо-религиозного характера в документах и рекомендациях. Им присущ достаточно сдержанный язык «протокола», практическая направленность, рекомендательный тон. Например, в рецепте лекаря сказано: «Растереть сухой речной ил / и / ...замешать его на воде, натереть неочищенным маслом (больное место – Т.К.) и привязать как припарку». Широко известен шумерский «Календарь земледельца», начинающийся словами: «Во время оно земледелец поучал своего сына...» – и далее следует детальное описание технологии возделывания земли, характера роста ячменя, необходимых мер для сохранения посевов от болезней, мышей и т.п. Заканчивается текст указанием на то, что эти советы принадлежат Богу Нинурте, верному земледельцу Энлиля, и это, пожалуй, единственное свидетельство исторического времени рекомендации. Важность практического знания, опыта, «технологическая» ориентация культуры древней Месопотамии определили основную функцию письма в ней – фиксирование информации, функцию в своем роде уникальную для древнего мира, особенно если сравнивать с преимущественно магическим назначением письма в Египте.

Трезвый, практический, посюсторонний дух месопотамской культуры, связанный с доминантой работы, отразился даже на положении религии в культуре. Как во всех древних культурах, в религии Месопотамии были эзотерический и экзотерический комплексы. Были жрецы низшего ранга, как, например, Эсагил-кинш-убиб, автор знаменитой поэмы «О невинном страдальце», заклинатель, посещавший дома больных и терпящих бедствия, и высшее жреческое сословие, посвященные, деятельность которых протекала преимущественно в пределах храмов и носила сакральный характер. Им Вавилон обязан своей славой и достижениями в астрономии, алхимии, математике и других науках. Но влияние жречества на вавилонских правителей и на жизнь в целом было сравнительно невелико. Отношения духовной и светской власти в Междуречье представляли некий компромисс, который периодически нарушался, но неизменно восстанавливался. Правители старались не вмешиваться в хозяйства и дела храмов, жрецы хранили свои тайны и стремились сохранить собственную автономию. Не случайно царь Вавилона имел право входить в целлу Мардука только в праздник Нового года, да и то, сняв регалии царской власти. «...Создается впечатление, – пишет Л. Опенхейм, – подтверждаемое и другими признаками, что влияние религии на отдельных людей и на общество в целом не имело в Месопотамии существенного значения. Мы не имеем, в частности, убедительных письменных свидетельств о воздействии ритуальных требований на физиологические аппетиты инди-

видуума, на его психологические предпочтения или на отношение к своей собственности или семье. Религия не предъявляла сравнительно серьезных притязаний ни на тело, ни на время, ни на богатство индивидуума... участие в культе городского божества было чрезвычайно ограниченным: он просто был зрителем на некоторых траурных или праздничных публичных церемониях. Человек жил в чрезвычайно умеренном религиозном климате, определявшемся скорее социальными и экономическими, а не культовыми координатами» [5, с. 179]. Чтобы согласиться с мыслью исследователя, нужно помнить, что речь идет о культуре древнего мира, о человечестве мифологического мышления, наконец, о цивилизации, существовавшей за тысячелетие до греков и римлян. С учетом вышеупомянутого, Л. Опенхейм прав: религия в культуре древней Месопотамии была естественным элементом, но отнюдь не духовным ядром, она выполняла различные функции в культуре, но не определяла координаты мировоззрения. Посюсторонняя ориентированность человека месопотамской культуры, его стремление к материальному благополучию, предполагавшее у одних тяжкий труд, у других – авантюризм и предприимчивость, у третьих – образованность и способность к продвижению по служебной лестнице не является оригинальной для обществ древнего мира. В любой культуре можно найти представление о ценности обычной, мирской жизни, дающей простые человеческие радости – плотские удовольствия, тепло семейного очага, рождение детей, которые требуют душевного и физического труда. Особенность месопотамской культуры состоит в том, что иных ценностей она не знает. «Судя по исследуемым текстам, – заключает И.С. Клочков, – сознанию рядового вавилонянина был чужд этатизм римлян эпохи империи или горячий интерес к общественным делам, свойственный сознанию греков полисной Греции. Вавилонянин был занят, прежде всего, своими личными проблемами и делами, его интересы обращены к дому, семье, родне, соседям. Все, что происходило за пределами его квартала или поселения, уже далеко от него. Рядовой вавилонянин – это частный человек *par excellence*» [3, с. 150]. Поэтому характерным феноменом месопотамской культуры является чувство хрупкости и конечности бытия, его текучести, сменяемости, бессмысленности: «Только боги с Солнцем пребудут вечно, / А человек – сочтены его годы / Чтобы он ни делал – все ветер!» [7, с. 22]. После смерти по представлениям вавилонянина человек уходит – «В дом мрака, жилище Иркаллы, / В дом откуда вошедший не выходит / ... / В дом, где живущие лишаются света, / Где пища их – прах, и еда их глина / А одеты как птицы, одеждою крыльев / И света не видят, но во тьме обитают / А засовы и двери покрыты пылью» [7, с. 51]. «В Месопотамии со смертью кончается практически все, – пишет И. Клочков, – естественно, что при такой перспективе вавилонянин воспринимает смерть как абсолютное зло. На загробные радости никто не уповает, никто их и не обещает; награда, наказание – все свершается на земле. Перспектива существования практически полностью укладывается в промежуток от колыбели до могилы, и все усилия сосредоточиваются на том, чтобы сделать этот путь по возможности длинней и приятней» [3, с. 137–138]. В чем же смысл человеческой жизни? «...Насыщая желудок. Днем и ночью да будешь ты весел, Праздник справляй ежедневно. ...Светлы да будут твои одежды, / Волосы чисты, водой омойся, / Гляди как дитя твою руку держит, / Своими объятьями радуй супругу / Только в этом дело человека!» [7, с. 64–65].

Месопотамская цивилизация просуществовала около трех тысячелетий, развиваясь вместе со всем ближневосточным миром, испытывая вторжение горских племен, подвергаясь разрушительным нашествиям ассирийцев и эламитов, ассимилируя элементы их культуры, цивилизуя вторгавшихся, но неизменно храня тот пафос преобразовательной и созидательной, строительной деятельности, то уважение к знанию и мудрости, который был присущ ей у самых истоков, в культуре шумерийцев. Когда в VI в. Набопаласар нанес поражение ассирийцам, терроризировавшим Вавилонию, он оставляет такую надпись на победной стеле: «Когда по повелению Набу и Мардука, любящих мое царство... я победил ассирийцев и превратил его страну в груды обломков и развалин, тогда Мардук, владыка Этеменанки, ...приказал мне заново возвести фундамент... чтобы глава его могла высоко состязаться с небом. При помощи искусства заклинания Эйи я очистил то место ...Бусы из золота и серебра, камни гор и мор-

ского побережья я разложил внутри его основания, очищенное масло, благовонные травы и красную пату я положил под кирпичом ...Мардук, господин мой, взгляни благосклонно на мои труды, и по твоему повелению ...да сохранится дело, работа моей руки в вечности. Перед Мардуком, моим господином, я склонил выю, я подоткнул платье ...и носил на своей голове кирпич и глину» [1, с. 73–74]. А вот что написал в «Анналах» Синаххериб, царь Ассирии после победы над Вавилоном: «Словно жертвенным баранам, перерезал я им горло, дорогие им жизни их я обрезал как нить. Я оставил кровь их течь по обширной земле, словно воды половодья в сезон дождей. Горячие кони колесницы упряжки моей в кровь погружались как в реку. ...Трупам бойцов их, словно травой, наполнил я землю» [1, с. 63]. Эти цари и их тексты почти современники: Набопаласар – 625–605 гг. правления, Синаххериб – 705–680 гг. правления. Но краткое упоминание о разрушении Ниневии и пространное описание сакральной строительной работы Набопаласара и подробное, приукрашенное описание воинственной жестокости Синаххериба доказывают качественную разницу характера, духа и, в конечном счете, типов двух культур. Проведенный анализ культуры Месопотамии нацелен на раскрытие эвристического потенциала деятельностного подхода как метода типологии культур.

Список литературы

1. Древний мир глазами современников и историков. – М. : Интерпракс, 1994.
2. Заболоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. (От первых поселений до персидских завоеваний) / Ю. Заболоцка. – М. : Наука, 1989.
3. Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время / И. С. Клочков. – М. : Наука, 1983.
4. Крамер С. История начинается в Шумере / С. Крамер. – М. : Наука, 1991.
5. Оппенхейм Л. Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации / Л. Оппенхейм. – М. : Наука, 1980.
6. Редер Д. Г. К вопросу о юридическом положении рабов по законам Хамурапи / Д. Г. Редер // Древний Восток. – М. : Наука, 1975. – Ч. 1. – С. 230–245.
7. Эпос о Гильгамеше / пер. М. М. Дьяконова. – М. – Л. : Гослитиздат, 1956.

ДИНАМИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ В СТРАНАХ АЗИИ¹

Е.В. Хльщева
(Россия, Астрахань)

В статье анализируется динамика мультикультурных моделей в странах Азии. Теоретически каждая модель представляет определенный путь развития, специфически реализующийся в разных странах. Невозможно предложить единый стандарт для всех, но сравнение такого опыта представляется необходимым для поиска собственных путей.

In this article the author gives the analyse of multicultural models of development in the Asian countries. In reality these models have specific features in each country. That's why we can't suggest any objective standard. But we can compare cultural models in order to find own way of development.

Ключевые слова: поликультурность, мультикультурализм, культурная гомогенность, глокализация, культурная гетерогенность.

Key words: multiculturalism, polycultural development, cultural homogeneity, cultural heterogeneity, globalization.

Столетиями Юго-Восточная Азия представляла собой регион неслыханного этнического и культурного различия. Это самый разнообразный в языковом плане континент. Например, одна только Папуа Новая Гвинея насчитывает 850 обособленных лингвогрупп. Здесь нашли пристанище все виды религий, которые были привезены купцами, миссионерами или колонистами. Местные правила вариативно адаптировали ислам, буддизм, индуизм и христианство как государственные религии, а религиозное многообразие давно уже стало нормой жизни. Многие азиатские общества имеют свои традиции мирного сосуществования разноязычных и поликонфессиональных групп, выработанные еще в доколониальный период и не известные даже на Западе. Управляемое разнообразие – вот ключ к политической стабильности в регионе.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 10-03-0064 За «Чужой и культурная безопасность».